

Серapis

Глава I

еловая суeta промышленного города успела давно затихнуть; яркий месяц и звезды светили над Александрией, и многие жители спали глубоким сном. Была превосходная, свежая, истинно благодатная ночь, но, несмотря на тишину безлюдных улиц, в эти часы всеобщего отдыха здесь не чувствовалось настоящего спокойствия.

Уже целую неделю в ночном безмолвии ощущалось какое-то подавляющее лихорадочное напряжение и безотчетная тревога. Дома и лавки были наглухо заперты, как будто из боязни насилия. Вместо оживленного говора и песен отовсюду ежеминутно доносились тяжелые, размеренные шаги солдат и звяканье оружия.

При громкой команде римского воина или при пении молящихся монахов в каждом доме открывались то ставень, то дверь, откуда выглядывало на улицу чье-нибудь встревоженное лицо. Запоздалые пешеходы старались прятаться в углубление ворот или в темный угол за выступом стены, чтобы не попадаться на глаза ночному патрулю. Неопределенные опасения, как неотвязный кошмар, тяготели над жителями Александрии, парализуя кипучую деятельность этого оживленного промышленного центра.

Наш рассказ относится к 391 году от Рождества Христова.

Около полуночи прилично одетый старик осторожно пробирался вдоль узкой улицы, начинавшейся у торговой гавани Кибота¹. Он шел, ежеминутно озираясь по сторонам и прячась в тени при встрече с солдатами. Такая предосторожность была не лишней, потому что сегодня как постоянным жителям города, так и приезжим запретили выходить на улицы после того, как закроется гавань.

Дойдя до обширного дома в виде длинного четырехугольника без окон, занимавшего целый квартал, пешеход замедлил шаги и, поравнявшись с широкими воротами, прочитал на них при тусклом свете фонаря надпись:

«Дом Усопшего Мученика. Открыт его вдовой, Марией, всем, у кого нет пристанища. Кто помогает бедным, дает взаймы Богу».

Мимолетная улыбка скользнула по лицу старика.

Вслед за этим по тихой улице гулко раздался удар в ворота. Позади них тотчас послышался стук отворяемого засова; чей-то голос окликнул пришедшего, и после его ответа перед ним отворилась маленькая калитка. Старик только собрался перешагнуть порог, как к нему подползла на четвереньках странная человеческая фигура. Удивительный привратник крепко схватил посетителя за ноги и грубым голосом прокричал:

— Поймай! Кто пришел после закрытия ворот, тому следует платить пеню в пользу бедных.

Пришедший бросил ему медную монету. Сторож проворно нацупал ее, схватил веревку, которой он был привязан, как цепная собака, к одному из столбов, и спросил посетителя:

— Нет ли чего-нибудь промочить горло бедняку?

— Нет, у нас стоит засуха! — отвечал вошедший. Теперь уже без помех отворил он вторую калитку и вошел

---

¹ К и б о т (*греч.* — ящик) — искусственная гавань на берегу Александрийского залива с корабельными верфями, соединенная каналом с Мареотийским озером, располагавшимся на южной окраине Александрии и, в свою очередь, соединенным с дельтой Нила.

на необъятный внутренний двор, над которым темнело звездное небо.

Несколько факелов и костры, разложенные на земле, сливали свой тусклый колеблющийся свет с чистым сиянием небесных светил. Тяжелый, удушливый воздух, наполнивший это обширное пространство, был пропитан дымом и запахом только что приготовленного кушанья.

Еще на улице до слуха старика доносился отсюда неопределенный гул человеческого говора, стук посуды и треск пылающих дров. Теперь все эти разнообразные звуки слились в разноголосый гам, неприятно действовавший на нервы. Гам исходил от сотен людей, расположившихся группами и поодиночке на соломе по периметру громадного двора. Одни из них крепко спали и даже храпели, другие спорили меж собой; иной ужинал, болтал с соседями или громко пел, несмотря на поздний час.

Приют для странников был полон. Более половины его скромных гостей составляли монахи. Два дня тому назад они стали стекаться в Александрию буквально толпами, нахлынув сюда из всевозможных схимий, лавр и обителей в пустыне. Больше всего сошлось здесь монахов из нитрийских монастырей. Некоторые из них с жаром вели беседу между собой, таинственно перешептывались, другие громко спорили. На северной оконечности двора собралась большая толпа, откуда доносилось пение молитв, возгласы игроков в кости: «Три! Четыре! Семь!» и выкрики маркитанта, предлагавшего покупателям хлеб, мясо и лук. К задней стене двора, противоположной воротам, примыкала галерея, куда выходило несколько дверей. Они вели в комнаты, которые разделялись занавеской на две половины, переднюю и заднюю, и были предназначены для бесприютных женщин и детей.

В одну из таких комнат и вошел старик, встреченный радостными восклицаниями поджидавшей его семьи. Здесь, в переднем отделении, сидели почтенная матрона с приятным лицом и юноша, вырезавший из копайского тростника наконечник для двойной флейты.

Пришедшего звали Карнис. Он был главой странствующего семейства певцов, прибывших вчера из Рима в Александрию. Путешественники находились в стесненных обстоятельствах. Им пришлось спасаться бегством от морских разбойников у африканских берегов, и при этом они потеряли остатки своего имущества. Молодой человек, владелец корабля, которому пострадавшие были обязаны своим спасением, поместил их в ксенодохиуме¹, устроенном для бедняков его матерью, вдовой Марией. Однако здесь им было до того неудобно, что Карнис с самого полудня отправился на поиски более подходящего жилья.

— Все мои хлопоты пропали даром! — воскликнул он, обращаясь к своим и вытирая вспотевший лоб. — Представьте себе: я обегал половину города, разыскивая Медия. Наконец мне удалось найти его у магика² Посидония, которому он служит. Здесь было нужно петь за сценой. Сам текст песен — занудливая галиматья, но он положен на старинные мотивы с аккомпанементом флейты, вроде олимпийских песнопений. Это выходит очень недурно. На сцене у них появились привидения. Медий исполнял одну из ролей. Спектакль оказался вообще нелепостью. Я управлял хором и пел вместе с ним. Однако за труды на мою долю пришлось только несколько жалких серебряных монет, но хуже всего то, что я не подыскал квартиры! В Александрии можно получить даровое помещение разве только ночной сове, а вдобавок ко всему — еще здешние паршивые законы!

Во время монолога Карниса молодой человек не раз весело посматривал на свою мать. Наконец он не выдержал и перебил старика:

— Успокойся, отец, у нас уже имеется кое-что на примете!

---

¹ К с е н о д о х и у м — гостиница.

² М а г и к и, маги (*древнеперсид.* maga — жертвоприношение) — первоначально жрецы индийской касты, позже в Греции так назывались мудрецы, а также кудесники, знахари, астрономы и вообще ученые люди.

— У вас? — спросил тот, недоверчиво пожимая плечами, пока его жена накрывала ему ужин на скамейке за неимением стола.

— Да, отец, у нас, — продолжал юноша, отложив в сторону работу и оживляясь. — Ты помнишь: во время бегства от разбойников мы дали обет принести жертву Дионису, так как сам он попал однажды в руки пиратов. С этой целью мы отправились разыскивать его храм: матушка, Дада и я...

— Что за бессмысленное мотовство? — с досадой прервал его Карнис, обращаясь к жене, подававшей ему жаркое. — При нашей-то нищете ты готовишь мне на ужин зажаренного в оливковом масле целого цыпленка.

В его словах звучали упрек и неудовольствие, но почтенная матрона положила руку на плечо мужа и заметила ласковым тоном:

— Не унывай, мы скоро снова поправим свои дела! Право же, моря себя голодом, не скопишь ни одного сестерция¹. Будем же наслаждаться настоящим! О завтрашнем дне позаботятся щедрые боги!

— Вот как? — усмехнулся Карнис, меняя тон. — Разумеется, если мне летят прямо в рот, вместо голубей, жареные курицы и даже петухи, то... Но все-таки, Герза, ты права, как всегда. Только... вы угощаете меня, как сенатора, а сами... Я готов биться об заклад, что вы довольствовались сегодня целый день одним молоком с хлебом и редькой. Сознайтесь откровенно?.. Итак, пускай курица обратится в фазана, а ты, жена, возьми себе лучший кусок. Девушки, наверное, уже спят? Да, ведь у нас есть и вино. Подай сюда свою чашу, мой мальчик. Принесем жертву богам! Слава Дионису!

Оба совершили небольшое возлияние на землю и выпили. После этого старик принялся с аппетитом ужинать, а его сын Орфей продолжал свой рассказ:

---

¹ С е с т е р ц и й (*лат.* sestertius) — древнеримская серебряная, а затем бронзовая монета, чеканившаяся до III века н. э.

— Храм Диониса было невозможно отыскать, потому что епископ Теофил приказал скрыть его до основания. Какому же божеству оставалось нам после этого посвятить приготовленные цветы и хлебное приношение? В Египте мы могли почтить своими дарами одну благодетельную Исиду. Ее святилище находилось прежде у Мареотийского озера, и матушка без труда отыскала к нему дорогу. Там она разговорилась с одной из жриц. Узнав, что мы странствующие певцы, приехавшие в Александрию на поиски счастья, жрица немедленно подвела к нам незнакомую молодую женщину, закутанную в покрывало.

— Эта незнакомка, — продолжал Орфей, — пригласила нас к себе для переговоров об одном важном деле. Она тотчас уехала домой в красивой колеснице, а мы, конечно, не замедлили явиться по приглашению. Агния также была с нами. Здесь мы увидели перед собой роскошное жилище. Ни в Риме, ни в Антиохии не встречал я ничего подобного. Кроме того, нам был оказан самый радушный прием. К молодой девушке, которая познакомилась с матерью, присоединились еще почтенная старушка и высокий важный господин, похожий на жреца или философа.

— Уж не угодили ли вы в христианскую западню? — недоверчиво спросил Карнис. — Этот город вам малоизвестен; здесь существует закон...

— Успокойся, отец! Роскошное жилище, куда нас ввели, принадлежит известному во всей Александрии богачу Порфирию, ведущему обширную торговлю. Пригласившая к себе мою мать девушка оказалась дочерью хозяина, красавицей Горго. Все это и еще многое другое мы узнали про своих новых покровителей, пока были у них. Там во всех залах и галереях расставлены статуи богов, а в той комнате, где мы сидели, жертвенный камень перед изображением Исиды был только что полит благовониями. Философ спросил нас, между прочим, знаем ли мы, что Феодосий¹ издал новый за-

---

¹ Имеется в виду Феодосий I Великий (347–395) — римский император с 379 года.

кон, запрещающий девушкам петь и играть на флейте перед публикой.

— А Агния слышала это? — спросил Карнис, понижая голос.

— Она была с Дадой в саду, куда выходила комната. Мать, впрочем, сказала, что эта девушка христианка, но выказывает большую покорность, и так как она находится у нас в услужении, то обязана петь все, что ее заставят. Тогда философ воскликнул, обращаясь к прекрасной Горго: «Вот настоящая находка!» После этого они принялись шептаться между собой, позвали девушек из сада и заставили их петь.

— Хорошо ли они выдержали испытание? — спросил старик, явно оживляясь.

— Дада заливалась, точно жаворонок, — отвечал Орфей, — тогда как Агния... Но я, право, затрудняюсь сказать что-нибудь о ее пении... Ты сам знаешь манеру этой странной девушки. Ее голос звучал превосходно, в нем чувствовалась глубина страсти и скрытая сила, но Агния всегда старалась петь как можно равнодушнее. Ей нельзя пожаловаться на жизнь у нас, а между тем каждая песня получает в ее исполнении печальный и скорбный оттенок. Тебе никак не удалось ее отучить от этого. Вообще она понравилась всем больше, чем Дада. Я заметил, что Горго и философ не спускали с нее глаз и опять долго перешептывались. Наконец молодая девушка подошла к нам, похвалила наших певиц и спросила, можем ли мы разучить новую песню. Я сказал, что мой отец замечательный артист и в состоянии исполнить самую трудную вещь, услышав ее один раз.

— Самую трудную? Гм! Все будет зависеть от успеха, — пробормотал старик. — Горго сообщила вам название песни?

— Нет. Но это похоже на плач по усопшему. Она сама исполнила песню в нашем присутствии.

— Как! Дочь богатого Порфирия пела перед вами? — со смехом воскликнул Карнис. — Клянусь собакой: все на свете начинает идти наыворот! С тех пор как певицам запрещено публично петь перед знатными господами, искусство

пошло в ином направлении. Оно не хочет оставаться брошенным. В недалеком будущем слушателю станут платить за внимание, а певец будет покупать себе право терзать его слух. Нашим несчастным ушам придется, я думаю, совсем скверно!

Орфей, улыбаясь, отрицательно покачал головой, снова отбросил свой нож и с жаром возразил:

— Ты сам бы заслушался пением Горго и отдал последнюю монету, только бы она спела еще что-нибудь.

— Как же! — проворчал старик. — Здесь тоже немало настоящих артистов. Так ты говоришь, что девушка исполнила плачевную песнь по умершему?

— Да, что-то в таком роде. Какое глубокое отчаяние и сила любви звучали в этой страстной жалобе! «О возвратись, возвратись обратно в дом твой!» — повторялось там несколько раз. Потом в другом месте пелось: «О если бы каждая моя слеза могла говорить понятным языком и присоединиться к моей мольбе, чтобы призывать тебя назад!» Как превосходно пропела она эти слова, отец! Мне кажется, что я никогда в жизни не слышал ничего подобного. Спроси матушку. Даже у Дады на глаза навернулись слезы.

— Да, это вышло чудесно, — подтвердила матрона. — Я все время сожалела, что тебя не было с нами.

Карнис встал с места и принялся с волнением прохаживаться по комнате, размахивая руками и говоря сам себе:

— Так вот что оказывается! Любимица муз! Большая лютня, к счастью, у нас уцелела. Отлично, отлично! Стоит надеть мою хламиду¹ и уйти прочь отсюда, из этой отвратительной ямы! Если бы девушки не спали... но завтра Агнии надо встать как можно раньше... Расскажите мне, какова собой Горго? Высока, красива?

---

¹ Х л а м и д а — короткий плащ из плотной шерстяной материи с застежкой на плече или на груди, излюбленная одежда философов, у римлян — традиционная верхняя одежда всадников, у греков — солдат и путешественников.

Герза, с удовольствием следившая глазами за своим радостно взволнованным мужем, с живостью отвечала на его вопрос:

— Горго несколько не походит ни на Геру, ни на музу! Она небольшого роста, хорошо сложена, но не особенно легка. У нее черные глаза, длинные ресницы, темные сросшиеся брови. Я не могу назвать ее красавицей, как наш Орфей.

— Неправда, матушка, неправда! — с жаром возразил тот. — Красота — великое слово, которое я от отца научился употреблять с большой осторожностью, однако Горго... Разве она не была хороша в ту минуту, когда, подняв большие темные глаза и откинув голову, пела своим прекрасным, задушевным голосом? Гармоничные звуки лились один за другим из глубины ее сердца и возносились высоко, до самого неба. Ах, если бы Агния могла перенять у нее несравненное искусство вкладывать в пение всю свою душу! Сколько раз слышал я такой совет от тебя. Горго вполне владеет этим даром. И как преобразилась она в то время, когда пела! Эта девушка стояла перед нами, натянутая, как тугой лук. Каждый звук срывался у нее, точно звенящая в воздухе стрела, попадал прямо в сердце и был безукоризненно, неподражаемо чист!

— Замолчи! — крикнул старик, затыкая уши. — Я и так не засну от нетерпения до самого рассвета... а тогда!.. Возьми его серебро, Орфей, бери все, у меня больше нет ни одной монеты. Ступай как можно раньше на рынок, купи лавровых ветвей, плюща, фиалок и роз. Не бери только цветов лотоса, которые встречаются здесь почти на каждом шагу. Я их не люблю: они красивы, но без аромата. Мы должны войти, украшенные венками, и храм нашей музы!

— Ты вполне можешь позволить себе такую роскошь, — со смехом сказала Герза, показывая мужу блестящую золотую монету. — Это мы получили сегодня, и если все пойдет как следует... — Жена Карниса запнулась, кивая головой на занавеску, за которой спали обе девушки, и продолжала,

понижив голос: — Разумеется, если Агния не сыграет с нами какой-нибудь злой шутки.

— Как так? Почему? — удивился Карнис. — Девушка добра, а я буду...

С этими словами старик хотел направиться в заднее отделение комнаты.

— Нет, нет, — сказала Герза, удерживая его. — Агния еще не знает, в чем дело. Ей предстоит вместе с Горго...

— Ну?

— Они обе должны петь в святилище Исиды.

Карнис побледнел, перейдя из области радужных мечтаний в сферу жалкой действительности.

— В храме Исиды? Агния? — растерянно повторял он. — Ей предстоит петь перед народом, а она и не знает об этом?

— Нет, отец, — отвечал Орфей.

— Нет? Тогда, конечно... Христианка Агния в храме Исиды, и это здесь, где епископ Феофил разрушает до основания святилища, а монахи стараются ему помочь в этих делах! Дети, дети, как скоро лопаются блестящие и радужные мыльные пузыри! Знаете ли вы, что вам угрожает? Если черные мухи¹ пронюхают об этом и дело получит огласку, то, клянусь великим Аполлоном, нам лучше было б отдаться прямо в лапы морских разбойников, а не спастись от них бегством! Но между тем, если бы я знал, как Агния...

— Пение Горго вызвало у нее слезы, — с живостью перебила мужа Герза. — Несмотря на свою обычную молчаливость, Агния сказала, возвращаясь домой: хорошо было бы научиться петь, как эта счастливая девушка!

Карнис снова выпрямился и просиял.

— Я узнаю мою Агнию! — воскликнул он с воодушевлением. — Да, да, она тоже любит божественное искусство! Она, наверное, примет предложение Горго и будет петь вместе с ней. Нам необходимо уговорить Агнию, хотя мы здесь рискуем головой. Но подумайте сами, что нам, в сущности,

---

¹ Имеются в виду монахи-черноризцы.

терять? Жизнь без радости не стоит ничего. Вам давно известно, каким приличным состоянием располагал я в прежние годы. Оно было без сожаления принесено в жертву искусству, и разбогатея я вторично, непременно поступил бы опять таким же образом, став нищим ради дорогих мне интересов. Искусство было и остается для нас неизменной святыней: мы не в силах равнодушно видеть, как его преследуют и стараются уничтожить. Его терпят теперь только при условии, чтобы этот незаменимый дар богов таился в потемках, избегал света, как саламандра, летучая мышь и ночная сова. Пусть нам грозит смерть, по крайней мере мы умрем вместе с ним и за него. На закате дней я жажду в последний раз насладиться настоящим артистическим пением и музыкой, а потом... Дети, дети! Мы не созданы для вот такого бедного, мрачного существования. Пока среди людей жили музы, на земле цвела неувядаемая весна. Теперь их обрекли на смерть, и на нас повеяло зимним холодом. Листья опадают со всех деревьев, а между тем для щебечущих птичек нужен душистый навес из зеленых ветвей. Вспомните, как часто смерть уже касалась нас своей всевластной рукой? Каждый наш вздох — не более как подарок из милости, прибавка, которую прикидывает ткач к каждому локтю полотна, последняя отсрочка палача осужденному. Жизнь не принадлежит нам более, она стала для нас взятым взаймы кошельком с медяками! Жестокий заимодавец стоит у дверей, и когда он постучится, настанет наш последний час. Давайте же испытаем еще раз истинное художественное наслаждение, а потом заплатим сполна весь капитал и с процентами, если это неизбежно.

— Так не следует быть и так не будет! — решительно прервала Карниса Герза, проводя рукой по глазам. — Если Агния согласится петь без всякого принуждения и по доброй воле, никакой епископ не может нас наказать.

— Не может и не посмеет! — воскликнул старик. — У нас есть на то законы и судьи!

— А дом Горго, — прибавил Орфей, — пользуется большим почетом не только за богатство. Порфирий же человек

влиятельный, он возьмет нас под свою защиту. Ты не можешь себе представить, отец, какое участие мы встретили в своих новых покровителях. Спроси мать, она подтвердит тебе мои слова.

— Сегодняшнее происшествие действительно похоже на сказку, — с живостью заметила Герза.

— Перед нашим уходом хозяйка, старушка лет восьмидесяти, отозвала меня в сторону и спросила, где мы остановились. Узнав, что мы приняты в ксенодохиуме вдовы Марии, она с досадой стукнула костылем об пол и спросила: удобно ли наше жилище? Разумеется, я ответила отрицательно и даже добавила, что нам необходимо переселиться в другое место.

— Конечно, конечно! — воскликнул Карнис. — Монахи, расположившиеся здесь на дворе, прибьют нас до смерти, как крыс, если услышат, что мы разучиваем языческие песни.

— Я именно указала на такую возможность, но старуха не дала мне договорить. Она притянула меня ближе к себе и прошептала: «Исполните желание моей внучки, тогда я позабочусь о том, чтобы вас где-нибудь хорошенько устроить, а вот это возьмите на текущие расходы». Говоря так, она опустила руку в мешок, висевший у нее на поясе, и незаметно передала мне несколько монет, после чего сказала вслух: «Вы получите от меня лично пятьдесят золотых, если Горго останется вами довольна».

— Пятьдесят золотых! — воскликнул Карнис, хлопая в ладоши. — Наша бесцветная жизнь становится немного привлекательнее ввиду такой перспективы. Итак, пятьдесят золотых нам обеспечено. Если мы пропоем шесть раз, то заработаем целый золотой талант¹, а на эти деньги я могу выкупить наш старый виноградник близ Леонциума. Я вновь реставрирую этот маленький Эдем — сейчас его превратили

---

¹ Т а л а н т (*греч., лат.* — взвешенное) — самая крупная единица массы (26,2 кг) и денежно-счетная единица античности. Золотой талант стоил в десять раз дороже серебряного.

в настоящий хлев, — а когда мы примемся там распевать наши песни, пусть попробуют монахи сунуть туда нос. Вы смеетесь? Глупцы вы, и больше ничего! Желал бы я знать, кто мне запретит петь на моей собственной земле? Целый талант золота! Этого совершенно достаточно для выкупа, и я непременно сторгую, вместе с виноградником, живущих там рабов и скот. Вы думаете, что все это лишь воздушные замки? Но выслушайте меня внимательно: нам обеспечено по крайней мере сто золотых...

Карнис воодушевился и заговорил очень громко. И тут из-за занавески показалась белокурая головка, покрытая папильотками, забавно торчавшими во все стороны. Несмотря на такую странную прическу, выглянувшая девушка выглядела очень миловидно. Ее глаза еще слипались ото сна и были полузакрыты, как будто слабый свет лампочки, у которой работал Орфей, беспокоил их, но зато пухлые пурпурные губки привлекательного создания сложились в плутовскую улыбку беззаботной юности.

Между тем старик, ничего не замечая, продолжал развивать свой план выкупа имения. Тогда девушка откинула занавеску и, вытянув вперед свою полную руку, воскликнула умоляющим тоном:

— Добрый дядюшка Карнис, дай и мне что-нибудь из твоего несметного богатства: ну хоть пять жалких драхм!

Певец вздрогнул от столь неожиданной просьбы, но вслед за тем приказал:

— Ложись спать, гадкая девочка! Тебе следует спать, а не подслушивать.

— Спать? — возразила девушка. — Но ведь ты кричишь, как оратор во время бури. Только пять драхм! Я не отстану от тебя! Мне хочется купить себе хорошую ленту, она стоит одну драхму, потом я подарю такую же Агнии, что составит ровно две драхмы. На две драхмы будет куплено для нас вина, вот и все пять драхм.

— Только четыре, мой искусный математик! — засмеялся старик.

— Будто четыре? — спросила Дада и посмотрела на всех таким удивленным взглядом, точно перед ее глазами месяц свалился на землю. — Конечно, будь у меня счеты, я бы не ошиблась! — добавила она в свое оправдание. — Итак, отец, мне необходимо пять драхм.

— Нет, четыре, и ты их получишь, — продолжал певец. — Плутос¹ постучал в нашу дверь, и завтра вы обе будете украшены венками.

— Да, венками из фиалок, плюща и роз, — прибавила Герза. — Агния спит?

— Спит как мертвая. Она засыпает очень крепко, когда у нее нет бессонницы. Мы обе страшно устали; я и теперь чувствую себя утомленной. Надо хорошенько позевать, это облегчает человека! Взгляни, как я здесь сижу!

— На ящике? — воскликнула Герза.

— Да, а занавеска все подается, когда я обопрусь на нее спиной. К счастью, когда заснешь, то больше наклоняешься вперед.

— Но ведь в спальне, кажется, было две постели? — сказала матрона, провожая девушку обратно за занавеску, чтобы снова уложить ее спать.

Несколько минут спустя она вернулась к мужчинам и сказала:

— Наша Дада всегда такова! Маленький Папиас скатился с ящика, на котором спал, и эта добрая душа положила его на свою постель, а сама заснула сидя, несмотря на усталость.

— Для малыша она готова пожертвовать всем, — заметил Карнис. — Однако полночь давно миновала. Давай-ка, Орфей, готовиться ко сну!

Они расставили на полу три длинные корзины, служившие для хранения кур и стоявшие одна на другой у стены, покрыли их матрацами и легли. Но никто из них не мог заснуть.

---

¹ П л у т о с (*греч.* — «богатство») — греческий бог богатства; изображался в виде мальчика, мужчины или старика, иногда с рогом изобилия.

Лампаду задули, и в темной комнате стало тихо. Прошло около часа, как внезапно они были встревожены необыкновенным шумом. Какой-то упругий предмет с шумом ударился о стену, и при этом Карнис гневно воскликнул:

— Прочь от меня, чудовище!

— Что здесь такое? — спросила испуганная Герза, вскакивая с постели.

— Какой-то демон не дает мне покоя! — с волнением отмечал старик. — Он приближается к моему изголовью и нашептывает мне злые слова. Постой, негодный, может быть, на сей раз я не промахнусь, — прибавил певец с раздражением и швырнул в стену другой сандалией.

Не обращая внимания на то, что она задела и с шумом уронила что-то на пол, Карнис продолжал:

— Отвратительное чудовище не хочет от меня отвязываться. Зная, что нам необходим голос Агнии, оно нашептывает мне то в одно, то в другое ухо, что я должен припугнуть ее тем, что продам ее братишку, если она не послушается. Однако я... Высеки огня, Орфей! У девушки доброе сердце, и прежде чем я решусь на такое злодейство...

— Тот же демон приходил и ко мне, — заметил молодой человек, принимаясь раздувать тлеющий трут.

— И ко мне также, — прибавила сконфуженная Герза. — Конечно, в этом христианском доме нет ни одного изображения богов. Убирайся прочь, противная змея! Мы — люди честные и не способны на мошенничество. Возьми, Карнис, мой амулет. Ты икаешь, стоит его повернуть, как все злые духи исчезнут и развеются, будто дым.

Глава II

На другое утро семейство певцов отправилось в дом богача Порфирия. Бедняжка Дада была, однако, вынуждена остаться в гостинице. Сандалия Карниса, которую он швырнул в злого духа, попала в шест, подвешенный над очагом, где сушилось только что выстиранное платье де-

вухи. Оно упало на горячую золу и на другой день оказалось прожженным в нескольких местах.

У Дады не было другой приличной одежды, так что ей поневоле пришлось остаться дома с малюткой Папиасом.

Видя слезы подруги, Агния предлагала ей свое платье, прося, чтобы ее оставили с мальчиком, но Карнис и Герза не согласились на это. Впрочем, Дада вскоре утешилась и даже стала плести венки, после чего со вкусом перевила блестящие черные волосы Агнии красивой гирляндой из фиалок и плюща.

Мужчины уже умастили себя и надели на головы венки из тополя и лавра, когда в ксенодохиум пришел гонец, посланный за ними домоправителем Порфирия. Он настоятельно посоветовал им снять с себя эти украшения, чтобы не возбудить неудовольствия монахов во дворе гостиницы и христианского простонародья на улицах.

Повеселевший Карнис снова помрачнел.

Монахи, собравшиеся толпами в приюте вдовы Марии, провожали певцов недоверчивыми и враждебными взглядами. У старика было тяжело на душе, когда он проходил, опустив голову и не говоря ни слова, по узкой темной улице, ведущей к гавани Кибота. Здесь было очень многолюдно, пахло дегтем и соленой рыбой. Домоправитель Порфирия шел впереди, словоохотливо отвечая на расспросы Герзы.

Его хозяин был одним из самых богатых купцов в городе и лишился жены двадцать лет тому назад при рождении Горго. Оба его сына находились в настоящее время в отъезде. Старушка, щедро наградившая певцов вчера, была матерью Порфирия, Дамией. У нее было собственное большое состояние. Несмотря на глубокую старость, Дамия по-прежнему управляла делами и слыла необыкновенно сведущей женщиной; она занималась даже магией. Мария, набожная христианка, основавшая гостиницу Усопшего Мученика, была замужем за Апеллесом, покойным братом Порфирия, но совершенно разошлась со своим деверем и свекровью. Это бы-

ло понятно: Мария стояла во главе истинно верующих женщин Александрии, тогда как дом родных ее мужа был вполне языческим, хотя хозяин принял крещение.

Карнис не слышал разговора Герзы с домоправителем. Между ним и женой шли двое рабов с флейтами и лютнями, а впереди них Орфей рядом с Агнией. Девушка упорно смотрела в землю, как бы избегая видеть то, что было вокруг, но когда юноша обращался к ней с вопросом, она робко поднимала глаза, и в ее коротком ответе сквозило явное смущение.

Вскоре пешеходы достигли Агатодемонова канала¹, соединявшего морскую гавань Кибот с Мареотийским озером, где становились на якорь нильские суда. Тихий северный ветерок навевал с моря освежающую прохладу. По краям канала тянулись ряды стройных пальм и густолиственных тенистых сикомор². В их ветвях весело щебетали птицы, и старый певец жадно вдыхал необыкновенно легкий и бальзамический воздух весеннего египетского утра.

На середине перекинутого через канал моста Карнис вдруг остановился как зачарованный, обратив глаза к юго-востоку.

Он поднял руки, и его влажный взгляд вспыхнул юношеским огнем. В эту минуту, как и всегда при виде поразительных красот природы или творения рук человеческих, в памяти старика воскрес любимый образ умершего сына, который успел стать другом для Карниса и целиком разделял его взгляды. Ему казалось, будто он положил свою руку на плечо этого рано угасшего юноши, наслаждаясь вместе с ним открывавшимся отсюда видом.

На фундаменте из громадных плит перед восхищенным взором певца высилось здание изумительной красоты и необъятных размеров. Оно гордо красовалось в своем великолепии, облитое золотистым утренним светом, и его благород-

---

¹ Агатодемонов канал — канал доброго демона.

² Сикомор — смоковница, дерево семейства тутовых со съедобными плодами и крепкой древесиной, из которой в древности изготавливали гробы для мумий.

ные формы различных цветов и оттенков, казалось, и сами излучали сияние, ослепляя своей роскошью и бесконечным разнообразием. Над позолоченным куполом этого колосса расстилалась чистая, безоблачная лазурь африканского неба и, как солнце на горизонте, сверкал блестящий громадный полукруг. Подъезды для экипажей и ряды ступеней для пешеходов вели к зданию со всех сторон. Это был храм Сераписа, дивное творение человеческих рук. Его мощный фундамент, казалось, был создан, чтобы стоять вечно. На гигантские колонны портиков опиралась крыша огромных размеров, и сама внутренность храма по своей громадности как будто предназначалась не для ничтожных представителей человеческого рода, а для бессмертных. Жрецы и молельщики, двигавшиеся между колонн, казались крошечными детьми, которые бродят под деревьями векового леса. На венце крыши, в сотнях углублений и по бесконечным выступам, стояли статуи всех олимпийских богов, всех героев и мудрецов Греции, сделанные или из блестящей меди, или из прекрасно разрисованного мрамора. Золото и блестящие краски виднелись на всех частях этого дивного произведения зодчества. Даже большие рельефные картины на двойном поле фронтона и маленькие, в длинном ряду прорезов между триглифами¹, отличались замечательным художественным исполнением. Жители целого города могли бы легко поместиться здесь все вместе, и общий вид этого замечательного памятника производил впечатление стройного хора, поющего хвалу бессмертным богам устами необъятного колосса.

«Приветствую тебя в веселье и смирении, великий Серапис! Благодарю, что ты удостоил меня еще раз на закате дней увидеть божественное вечное жилище!» — набожно говорил про себя Карнис. Потом он подозвал к себе жену и сына, молча указал им на храм и, заметив, что взгляд Орфея

---

¹ Т р и г л и ф (от *греч.* triglyphos — с тремя нарезками) — прямоугольная, снабженная вертикальными врезами каменная плита.

с немим восторгом остановился на чудесных формах Серапеума, старик воскликнул с воодушевлением:

— Ты видишь перед собой благородную твердыню царя богов, великого Сераписа. Несокрушимый оплот! Его прошлое достигает половины тысячелетия, а его будущее — вечность! До тех пор, пока этот храм незыблемо стоит в своем великолепии, старые боги не будут уничтожены.

— Никто и не посмеет коснуться святилища Сераписа, — перебил Карниса домоправитель Порфирия. — Каждому ребенку в Александрии известно, что вселенная не устоит на своих основах, как только святотатственная рука осмелится осквернить священное изображение божества...

— Оно само защищает себя, — с жаром воскликнул певец. — Но вы, христианские лицемеры, придумавшие ненавидеть жизнь и любить смерть, если вам хочется уничтожения всего вещественного мира, попробуйте коснуться этого божественного произведения. Осмельтесь только подступиться к нему!

Карнис грозил кулаком, по-видимому, врагу. Герза также повторяла за ним вслед:

— Осмельтесь только подступиться к Серапеуму!

— Но если вся вселенная будет разрушена, — продолжал несколько спокойнее старик, — то враги богов должны погибнуть вместе с нами, а нам не страшно умереть заодно со всем, что есть на земле прекрасного и что мы любили!

— Будьте покойны, — заметил провожатый, — епископ хотел было коснуться этого святилища, но великий Олимпий не допустил богохульников до храма, и они отступили от него с большим уроном. Наш Серапис не позволит осквернить своей святыни. Он пребывает в веках, тогда как все другое уничтожается. По словам жреца, вечность для него — только короткое мгновение, и когда миллионы человеческих поколений будут поглощены ею, он останется таким же, как и теперь.

— Слава, слава великому богу! — воскликнул Орфей, протягивая руки по направлению к храму.

— Да, слава ему во веки веков! — повторил отец юноши. — Серапис велик, и его дом, его изображение просуществуют...

— Как раз до нового полнолуния! — прервал его с мрачной иронией проходивший мимо незнакомец, злобно погрозив величественному зданию.

Орфей вспыхнул от гнева и обернулся, чтобы наказать дерзкого за его богохульство, но тот успел затеряться в толпе.

— Как раз до нового полнолуния! — прошептала Агния, вздрогнувшая всем телом, когда Орфей с жаром произносил хвалу языческому божеству. Теперь она встревоженно смотрела вслед вестнику несчастья, потом ее отуманенный взгляд перешел на молодого певца. Но когда Герза оглянулась на девушку минуту спустя, ее черты приняли спокойное выражение, так что матрона искренне порадовалась, заметив на губах Агнии счастливую улыбку. Вообще по дороге на нее заглядывался не один юный александриец, потому что улыбка придавала бледному лицу молодой христианки особенное, таинственное очарование. Все, что западало в душу Агнии, надолго приковывало к себе ее мысль. Пока она шла от моста к берегу озера в ярком сиянии весеннего утра, ей живо представлялся полный месяц среди ночного неба, низвержение языческого бога и победоносное шествие небесных сил, проносившихся бесконечными вереницами над развалинами мраморного храма. Здесь парили апостолы и мученики, а впереди их сам Спаситель в ореоле бессмертной славы. Ангельские сонмы неслись на окружавших Его светлых облаках и пели дивные хвалебные гимны, которые ясно отдавались в ушах восторженно настроенной Агнии, несмотря на шумную суету александрийской гавани.

Чудесное видение исчезло только в ту минуту, когда Агнию вели к лодке.

Герза была родом из Александрии, и Карнис провел в этом городе лучшие годы молодости, но для Орфея и Агнии здесь все представляло прелесть новизны. Выбравшись из не слишком ей приятной уличной тесноты, моло-

дая христианка вздохнула свободнее и стала любоваться живописными видами берегов. Изредка она обращалась с тем или иным вопросом к Орфею. Юноша не мог досыта насмотреться на все окружающее. Действительно, здесь было много замечательного. Громадные шлюзы замыкали канал, соединявший озеро с морем; в особой гавани покачивались императорские суда, поддерживавшие деятельное сообщение между александрийским гарнизоном и другими военными пунктами на Нижнем и Верхнем Ниле; в другом месте стояли красивые, разукрашенные лодки, предоставляемые в пользование комесу¹, префекту² и другим высшим сановникам. Кроме того, всюду виднелось множество торговых кораблей всевозможных размеров, прибывших сюда для разгрузки. Как стаи птиц, кружащихся над засеянным полем, мелькали над гладкой поверхностью озера паруса различных форм и расцветок. Каждый дюйм земли по берегам был возделан и застроен. С южной стороны виднелись издалека ряды виноградников, синевато-зеленая блестящая листва оливковых деревьев, целые рощи стройных пальм, вершины которых, переплетаясь между собой, образовали красивый навес в виде балдахина. Белые стены садов, пестрые храмы, капеллы и загородные дома выглядели из этой массы зелени, между тем как яркие лучи солнца играли всеми цветами радуги в водяных каплях, падавших с неугомонных черпальных колес и ведер по берегу озера. Здесь было много необыкновенно искусных гидротехнических сооружений, изобретенных по большей части учеными. Они служили орудиями борьбы

---

¹ К о м е с (*лат.* comes — спутник) — первоначально сопровождающий государственного сановника, в первую очередь наместника, в поездках, позднее — должность высшего сановника Римской империи. От титула comes позднее образовались дворянские графские титулы: французский «comte», итальянский «conte», английский «vicount».

² П р е ф е к т (*лат.* praefectus — начальник, командующий) — титул высших должностных лиц из всадников и сенаторов в армии и на гражданской службе.

человека с бесплодием почвы, окружавшей Мареотийское озеро. Человеческий гений победил, и теперь окрестности были покрыты пышной растительностью. Прошли столетия, и от прежней пустыни не осталось и следа. Щедрый Дионис и другие божества земледелия благословили упорный труд человека, а между тем на многих участках земли их изображения были ниспровергнуты христианами и лежали грудками обломков.

Многое сильно переменялось в Александрии в течение последних тридцати лет, и эти перемены отзывались острой болью в душе восторженного старого певца. Герза также нередко с грустью качала головой. Когда лодка прошла половину пути, матрона указала рукой на обширное пустое пространство на берегу озера и с волнением заметила мужу:

— Узнаешь ли ты это место? Куда девался наш милый старинный храм Диониса?

При этих словах Карнис так стремительно вскочил на ноги, что едва не опрокинул лодку. Домоправитель Порфирия просил его сидеть смирно, но старик не мог успокоиться.

— Неужели ты думаешь, — с горечью спросил он провожатого, — что у вас в Египте живой человек должен обратиться в мумию? Пусть другой переносит подобные вещи спокойно. Здесь совершаются постыдные, недостойные дела: от них и у голубя разыграется желчь. Такую великолепную постройку, красу и гордость Александрии, срыть до основания, развеять прахом! Посмотрите туда, посмотрите! Разбитые колонны, мраморные карнизы и капители в беспорядке разбросаны по земле! Как совершенны были здесь статуи! Какие прекрасные головы, какие торсы! Великие художники создали все это при содействии самих богов, а мы, ничтожные, подстрекаемые к тому демоном злобы, разрушили их творения! Что было достойно жить целую вечность, было уничтожено. Почему? Хотите узнать? Потому что христиане боятся псега прекрасного, как сова боится света. Красота во всех своих проявлениях им ненавистна! Они преследуют ее, хотя бы она даже была сотворена

самим божеством. Я приношу на них жалобу бессмертным, так как они вырубili даже изумительную рощу у храма с прохладными гротами, с вековыми деревьями и тенистыми уголками, полными приволья и неги, как полна зрелая ягода сладким соком!

— Все было скрыто до основания, — перебил его домоправитель Порфирия. — Император подарил святилище епископу Феофилу, и тот немедленно принялся его разрушать. Стены были разломаны, священные сосуды расплавлены, изображения богов преданы поруганию, прежде чем их обратили в известку. Теперь на месте храма Диониса строится христианская церковь. Вспомните только прежнюю красивую галерею с колоннами и сравните с нею неказистую громаду из серого камня, которую сооружают теперь на ее месте.

— И почему терпят все это боги? Разве Зевс утратил свои молнии? — спросил Орфей, сжимая кулаки.

Он не заметил, что Агния побледнела и притихла, как только разговор коснулся христианства.

— Зевс безмолвствует, чтобы тем чувствительнее наказать своих врагов, — сказал старик. — О эти обломки мрамора, эти развалины! Дело разрушения не требует большого искусства. Люди потеряли здравый смысл, если допускают такую дерзость. Они побросали в воду и плавильную печь сокровища, восхищавшие самих богов. Все это очень умно, в высшей степени мудро! Рыбы в озере и огонь не смогут жаловаться на дела, которых они были свидетелями. Один человек, в порыве безумной ярости, в какой-нибудь час уничтожил созданные веками творения великих талантов. Превращать в развалины, опустошать чужую святыню — вот в чем видят христиане свою славу, но им не выстроить вновь подобного храма, как не вырастить рощи, стоявшей целых шесть столетий. Посмотри сюда, Герза. Вот здесь, где чернокожие месят известь, им надели рубашки, потому что христианам ненавистны даже прекрасные формы человеческого тела — помнишь, здесь был грот, в котором мы нашли твоего бедного отца?

— Грот? — повторила матрона, взглянув влажными глазами по направлению к берегу и вспоминая тот день, когда она, будучи молодой девушкой, во время праздника Диониса спешила в храм на поиски отца. Он был искусный художник, резчик по камню, и, ради великого праздника выпив сладкого вина, вышел на улицу, чтобы по старинному александрийскому обычаю принять участие в религиозной церемонии. На следующее утро он не вернулся домой: дочь напрасно дожидалась его и в полдень, и вечером. Наконец Герза решила отправиться на его поиски. Карнис в то время был молодым богатым учеником и занимал лучшие комнаты в доме ее отца. Он встретил встревоженную девушку на дороге и присоединился к ней. Им вскоре удалось найти пропавшего в Дионисовой роще. Его холодный неподвижный труп лежал в одном из прохладных гротов, обвитых плющом. Отец Герзы умер внезапно, как будто пораженный молнией. Собравшийся народ сказал, что Дионис присоединил его к сонму подвластных ему духов. В эти тяжелые часы Карнис заботился, как преданный друг, об одинокой девушке. Несколько месяцев спустя она стала его женой и уехала с ним на его родину, в Тавромениум, на остров Сицилию.

Все это живо вспомнилось ей теперь. Ее муж также задумчиво и молча смотрел в воду, потому что те места, где совершился решительный переворот в нашей жизни, обладают свойством с необыкновенной ясностью вызывать воспоминания прошлого, когда мы увидим их после долгого промежутка времени.

Все присутствующие сидели, не говоря ни слова, пока Орфей не указал отцу на храм Исиды, где он встретил вчера прелестную Горго.

Старик поднял глаза на святилище, оставшееся пока неприкосновенным, и с горечью сказал:

— Варварская постройка: искусство египтян давно омертвело, а тигр пожирает только живую добычу.

— Напротив, тот храм также довольно лакомый кусочек, — возразил домоправитель, — но его нельзя коснуться,

Содержание

Номо сум (Ведь я человек). Роман..... 5

Серapis. Роман..... 259